

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-1/189-199

Научная статья

© К. С. Коваль

ДНЕВНИКИ М. Л. КАЗЕМ-БЕК КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ОБРАЗОВАННОЙ ГОРОЖАНКИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

В статье рассматриваются и анализируются дневники образованной петербурженки М. Л. Казем-Бек (1855–1918). Как личный документ, дневники Марии Львовны Казем-Бек предоставляют уникальный взгляд на её мысли, чувства и события, которые она переживала в своей повседневной жизни. Помимо этого, записи женщины раскрывают детали её ежедневной рутины, включая занятия, чтение, посещение мероприятий, общение с друзьями и членами семьи. Анализ дневников М. Л. Казем-Бек позволил понять, как образованные горожанки того времени осуществляли своё самовыражение, преодолевали социальные ограничения, совмещали семейные обязанности и самореализацию. Они также помогли раскрыть аспекты повседневной жизни образованной женщины, которые ранее были малоизвестными.

Ключевые слова: женская повседневность, Мария Казем-Бек, источник повседневности, дневники, эго-документы

Ссылка при цитировании: Коваль К. С. Дневники М. Л. Казем-Бек как источник по истории повседневной жизни образованной горожанки конца XIX — начала XX в. // Вестник антропологии. 2025. № 1. С. 189–199.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-1/189-199

Original Article

© Karolina Koval

THE DIARIES OF M. L. KAZEM-BEK AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE DAILY LIFE OF AN EDUCATED URBAN WOMAN OF THE LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURY

The article examines and analyzes the diaries of an educated St. Petersburg woman M. L. Kazem-Bek (1855–1918). As a personal document, the diaries of Maria Kazem-Bek provide a unique look at her thoughts, feelings and events that she experienced in her daily life. In addition, the woman's notes reveal details of her daily routine, including activities, reading, attending events, communicating with friends and family members. The analysis of M. L. Kazem-Bek's diaries allows to understand how educated urban women of that time carried out their self-expression, overcame social restrictions, and combined family responsibilities and self-realization. They also helped to reveal aspects of an educated woman's daily life that were previously little known.

Коваль Каролина Сергеевна — аспирант, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр-т, 32-А). Эл. почта: karolinakoval@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0786-9986>

Keywords: *women's daily life, Maria Kazem-Bek, the source of everyday life, diaries, ego documents*

Author Info: Koval, Karolina S. — Postgraduate Student, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: karolinakoval@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0786-9986>

For citation: Koval, K. S. 2025. The Diaries of M. L. Kazem-Bek as a Source on the History of the Daily Life of an Educated Urban Woman of the Late 19th — Early 20th Century. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 189–199.

Введение

Будучи сегодня скорее способом развлечь аудиторию или заявить о себе в интернет-пространстве, блоги, — а попросту дневники, — когда-то воспринимались совсем по-другому. Они не выставлялись напоказ, их писали для себя, обычно от руки, чтобы осмыслить и запечатлеть в строчках дни собственной жизни. Это было средство высказаться наедине с бумажным листом. В связи с этим, дневники прошлых столетий порой отличаются даже откровенностью, и особо ценятся историками как источник информации о том времени.

Источниковеды и филологи дневники относят к эго-документам. Так, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. под влиянием идей Мишеля Фуко и Мишеля де Серто эго-документы стали рассматривать как «средство социального и личного общения и самопознания, а не просто как изложение личного опыта» (Дунаева 2017). Необходимо отметить, что эго-документы не являются главным источником, но они незаменимы для изучения субъективного взгляда современников той или иной эпохи. Исследовательница А. Баркер при изучении женской истории в России заметила: «Такие тексты надо научиться рассматривать в качестве культурных документов, рассказывающих о том, как конструировалась и “разыгрывалась” гендерная идентичность, публичное/приватное в жизни личности и культурная мифология» (Barker 1998: 54).

Рассматриваемый в статье дневник принадлежал женщине, что не выходит за рамки сложившейся к концу XIX в. традиции (образованные женщины России того времени часто имели досуг и желание изложить свои мысли на бумаге, поделиться ими с окружающими). Именно XIX столетие может представлять особый интерес как контекст исторического исследования, поскольку, с одной стороны, на этот период приходится большое число архивных документов и материалов, а с другой — по этим документам чётко прослеживается, как повлияли на человеческие судьбы экономические, социальные и политические реалии той эпохи. Однако дневниковые записи, хотя и отражают множество аспектов жизни их авторов — начиная от семейно-бытовых вопросов и заканчивая такими темами, как образование и профессиональный путь, всё же не в полной мере показывают картину событий, что также необходимо учитывать. По мнению историка Н. Л. Пушкарёвой, женские эго-документы — это «путь к созданию «банка данных», «архива женской истории», обогащению знаний о социально-историческом контексте жизни женщин в разные исторические эпохи» (Пушкарёва 2019: 214–245).

Ранее своими исследованиями о дневниках образованных женщин рубежа XIX–XX вв. дополнили архив женской истории Е. А. Ростовцев (Ростовцев 2006: 270–318), Д. В. Минец (Минец 2011: 380–382), А. А. Старышкина (Старышкина

2019), О. И. Секенова (Секенова 2021: 39–44), А. А. Кудряшова (Кудряшова 2022) и др. Е. А. Ростовцев в своей работе назвал дневник Н. Н. Платоновой «источником по истории российской исторической науки и, даже более широко, — российского общества рубежа XIX–XX вв.». Историк тщательно изучил описание окружения женщины, исторические кружки, о которых она писала, и деятельность её мужа. Семейные отношения, быт и занятия автора дневника остались не в поле зрения, то есть жизнь женщины ушла на второй план и в самом дневнике. Стоит заметить, что таких эго-документов было оставлено достаточно много. Женщины чаще писали в своих дневниках о деятельности отцов и мужей, о своём окружении и гостях, не оставляя памяти о своих ежедневных заботах, мечтах, мыслях.

Лингвист Д. В. Минец в своей работе раскрыла специфику самопрезентации в дневнике М. Башкирцевой как языковой личности в гендерном аспекте. В указанной нами статье были выделены и языковые особенности, свойственные для женских дневников. А. А. Старышкина же изучила не один, а сразу несколько эго-документов женщин-журналисток второй половины XIX — начала XX в. Схожий подход в изучении женских эго-документов можно заметить и в статье О. И. Секеновой. В своей статье исследовательнице удалось реконструировать основные сложности при сборе материала, создании научных текстов и публикации результатов исследований женщин-историков. Кроме того, автор попыталась ответить на вопрос насколько был типичен научный процесс женщины-историка для исследуемого периода, с какими трудностями и вызовами она могла столкнуться и что её вдохновляло. Так или иначе, рассматриваемые А. А. Старышкиной и О. И. Секеновой эго-документы отражали в основном профессиональную и научную деятельность женщин.

А. А. Кудряшова ставила в своей статье задачу выяснить, что могло послужить истинной причиной разочарования в жизни автора дневника, могла ли Е. А. Дьяконова обращаться к теме смерти из-за гендерных стереотипов в обществе. Автор выделила несколько психологических проблем Дьяконовой и рассмотрела их через призму социальных вызовов.

Вышеупомянутые исследователи в основном выделяли социально-политический и профессиональный подтекст дневников женщин. Тем не менее, в отличие от мужских эго-документов, женские содержат более откровенный диалог с самой собой, наполненный эмоциональной окраской. «Женский дневник никогда не переходит в потомство. Женщина сжигает его, как только он сослужил свою службу», — написала Надежда Тэффи в своём рассказе «О дневнике». Таким образом, мужчины оставляли на листе бумаги в основном свои философские мысли и взгляд на масштабные события для прочтения будущим поколениям. Женщины же вели дневники преимущественно для себя.

Изучая женский взгляд на картину российского общества конца XIX — начала XX в., учёные все чаще обращаются к эго-документам известных публицисток, писательниц и деятельниц общественно-политических движений. Наиболее изученными на сегодняшний день являются эго-документы М. К. Башкирцевой, Е. А. Дьяконовой, А. В. Тырковой, С. А. Толстой, З. Н. Гиппиус, О. Шапир и др. В связи с этим, мы бы хотели изучить дневник менее известной женщины, образованной горожанки, которая смогла нам приоткрыть занавес своей повседневной жизни и познакомить со своим взглядом на происходящие события в российском социуме конца XIX — начала XX в. Ведь данный период истории России охвачен изменениями практически во всех сферах жизни.

Рис. 1. Портрет М. Л. Казем-Бек

В фокусе нашего внимания — заметки Марии Львовны Толстой (1855–1918), представительницы нетитулованной ветви рода Толстых. Получив довольно хорошее по меркам того времени домашнее образование, в шестнадцать лет она вышла замуж за Александра Александровича Казем-Бека (1844–1894). Её супруг был сыном Александра Касимовича Казем-Бека, — известного учёного-востоковеда, христианина, первого декана Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Александр Александрович, как и его отец, был не последним человеком в городе, сделав неплохую политическую карьеру в Министерстве юстиции и дослужившись до

чина сенатора. Он скончался, немного не дожив до пятидесяти, и оставил Марию Львовну одну с тремя детьми. После этого Мария Львовна переехала из столицы в Казань, где приняла должность начальницы Родионовского института благородных девиц. Далее в январе 1908 г. по распоряжению императора Николая II вернулась в Санкт-Петербург, чтобы возглавить Елисаветинский институт благородных девиц, находившийся на углу 13-й линии Васильевского острова и Большого проспекта.

Стоит заметить, что биография Марии Львовны практически не была изучена и использована в научном поле, имеется только вступление к дневникам доктора философских наук В. Никитина (*Казем-Бек* 2016: 5–35). Мы же обратили внимание на дневники, стремясь исследовать женскую повседневную жизнь образованной столичной горожанки в России второй половины XIX–начала XX вв. О чем писала интеллигентная замужняя горожанка рубежа XIX–XX вв., что может она рассказать нам о повседневной жизни женщины того периода? Чем могла заниматься и интересоваться тогда замужняя женщина? Были ли у нее интересы помимо семьи? Представляется, что дневники М. Л. Казем-Бек важно изучить, чтобы найти в них ценную информацию, освещающую быт, нравы, мировоззрение русской образованной женщины.

Основная часть

Дневниковые записи М. Л. Казем-Бек дошли до нас благодаря её дочери, которой, однако, сохранить удалось не всё. Записи охватывают период с 1867 г. по 1914 г. Либеральные реформы, расширение возможностей в сфере образования для женщин, Первая русская революция и Первая мировая война — все эти события происходили одновременно с ведением данного дневника, в котором они были отражены косвенно. Любопытно, что Мария Львовна, ведя дневники с детства, в одной из своих девичьих тетрадей прямо указывала — не хочет, чтобы их прочёл посторонний. Это ещё раз нам подтверждает тот факт, что дневник для женщин являлся своеобразным психологом, а не доступной публикацией в будущем. Несмотря на это, неоднократно общаясь ввиду своего статуса с высокопоставленными чиновниками (включая императора), придворными аристократами, а также церковными служащими, Мария Казем-Бек отразила эти, бесспорно, яркие события опять же на страницах своих дневников.

Кроме того, в них можно найти немало подробностей о быте не только дворянства, но и жизни крестьянства. Так, летом 1892 г. произошла любопытная история с героиней дневников в имении её семьи. Одной из её крестьянок потребовалась незамедлительная медицинская помощь после тяжелых родов. Сельский доктор объяснил, что необходима операция для спасения больной, но у него нет для этого ни условий, ни должного опыта. Мария вызвалась быть ассистентом во время операции и приложить все усилия только для того, чтобы оставить женщину в живых. О проведении операции в полевых условиях Казем-Бек писала: «Она совершилась самым примитивным образом; ни одно клиническое правило не могло быть соблюдено, всё делалось противно всем законам науки». Больная лежала на грязном полу, лишь прикрытом простыней, доктору все время пришлось лежать на корточках, у него сводило ноги и немели руки от неловкого положения... к тому же операция не удалась и длилась долго» (Казем-Бек 2016: 175).

Будучи ассистентом врача, автор дневников сопереживала умирающей женщине. Дав малейший шанс на выживание человеку, Мария Львовна не осталась не

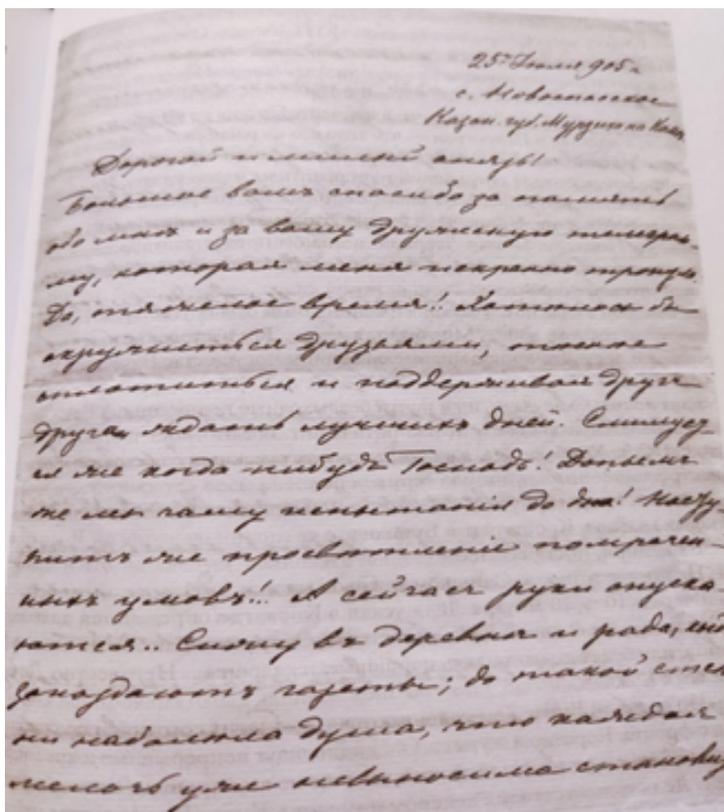

Рис. 2. Фрагмент письма М. Л. Казем-Бек к князю А. В. Шаховскому

только перед ней в долгу, но и перед самой собой. К сожалению, крестьянскую женщину спасти не удалось и это весьма наложило отпечаток на воспоминания автора дневников. Забота о крестьянских семьях часто просматривается в записках Марии Казем-Бек.

Однако центральное место в её воспоминаниях уделено семье — детям, супругу, домашним животным. Брак её был счастливым, мужа она очень любила. С мужем Александром Мария ездила в командировки, а по вечерам они проводили вместе досуг: «Мы с Александром читаем вслух «Жизнь Иисуса Христа» Фаррара; я ужасно люблю эти чтения вместе с Александром!... Такие хорошие мысли и чувства возникают у нас одновременно!» (Казем-Бек 2016: 142), — пишет Мария Львовна. На протяжении всего повествования дневников можно проследить, что у супругов Казем-Бек были дружные партнёрские отношения, но вместе с тем, Мария Львовна придерживалась традиционной модели отношений с мужем.

Семейное счастье женщины оборвалось с болезнью, а в последствии смертью мужа. Мария Казем-Бек посвящает свои записи полностью мужу во время его болезни. Эта часть дневников напоминает медицинскую карту больного с полным описанием анамнеза. Её будни в данный период времени были наполнены страхом за жизнь мужа и душевными переживаниями. При этом уровень владения письменной речью у Марии Львовны был таков, что эти записи по своему воздействию сродни лучшим примерам психологической прозы.

Встаёт вопрос, а если бы её муж вел дневник, он смог бы стать таким же источником по части женской повседневности? Ответ находится в самих дневниках: «Вчера вечером Александр читал мне свой дневник. Впрочем, это не дневник в том смысле слова, как принято понимать его; совсем не такой, как мой дневник. Александр записывает только свои размышления. Там есть и его теория мироздания, и его определенные истины. Общая руководящая мысль — доказать законы, управляющие материальным миром, те же, что управляют миром духовным, и не могут быть сходны, так как источник у них один и тот же» (Казем-Бек 2016: 95).

Рефлексивность автора дневников не замкнута на себе. Она много пишет о детях, сестре, друзьях, причем в деталях, вплоть до описания вечерних туалетов на приёмах. Так, Мария Львовна описывала проведённый вечер у петербургской семьи Приселковых: «Публики было много; туалеты на дамах восхитительны. На княгине Радзивилл было чудесное бархатное платье и поразительные бриллианты и жемчуга! Я была в чёрном кружевном туалете, с розовыми розами на груди» (Казем-Бек 2016: 69).

Очень интересны её заметки о питомцах, поскольку в эго-документах достаточно редко встречаются записи о животных. «Призывала ветеринара, который сказал, что у Кисеньки болезнь сердца и развивается водянка. Так жаль её...», — пишет автор о своей кошке (Казем-Бек 2016: 159). Мария Львовна была весьма чутким и ранимым человеком, способным сопереживать горести других. Спустя годы она также напишет свои высокие размышления о сущности животных, что показывает её доброту, милосердие и любовь ко всему живому: «Если сами животные, несмотря на ограниченность своего сознания, способны привязаться к человеку, ласкаться к нему и чувствовать потребность в его ласке, одним словом, если животные способны любить человека, то насколько же человек, богаче одаренный природой, должен быть способен любить животных! Ведь могущество замечается именно в размерах сферы, доступной разуму и сердцу. Любовь Божия распространяется на все миро-

здание, и на человека, считающего себя венцом творения, и на все, что живёт и дышит» (*Казем-Бек* 2016: 162).

В своих записях героиня облегчает муки совести, врачует душу, как исповедь. Однако нами было замечено, что часть записей была утеряна или же дневник попросту не вёлся, поскольку в жизни Марии Львовны происходили такие события, о которых, возможно, было предпочтительней забыть. К примеру, с 1869 по 1890 г. дневник прерывается. В 1870 г. родители владелицы дневника развелись, а в 1872 г. состоялась свадьба самой Марии. Мы можем предположить, что девушка была охвачена переживаниями о разрыве семьи и заботами о супружестве. Далее, с 1890 г., Марию Львовну ждёт счастливая семейная жизнь, описанная в дневнике до 1894 г. 10 декабря 1894 г. она сделает запись: «Моя личная жизнь и мое личное счастье, по непостижимой воле Божией, были оторваны навсегда...» (*Казем-Бек* 2016: 325). После ухода из жизни мужа, автор прекращает вести дневник до 1913 г.

В дневниковых записях же периода супружеской жизни хорошо отражен внутренний мир автора, взаимоотношения в семье и её быт, религиозные переживания. 28 марта 1890 г. Казем-Бек пишет: «Страстная неделя; мы говеем... И в то же время суета, суета и суета! Покупки, заказы, стряпня, уборка — всё что угодно, только нет тишины и желаемого душевного настроения... Господи, что же это такое?! Неужели у всех так? Или я не умею обставить свою жизнь согласно с моими идеалами, которые умею красно проповедовать? Только и могу, что болтать, а жизнь сама по себе, по инерции!... Сегодня после обедни, едва мы позавтракали, пришел Хрущов и просидел довольно долго. Само собой разумеется, что мы пустословили; потом пили чай и выдумывали, с чем бы повкуснее его выпить. Потом я отправилась к портнихе и долго говорила о платьях... И так прошел день! А через час пойдём исповедаться!» (*Казем-Бек* 2016: 85). Можно заметить, что в данных эго-документах весьма детально описывается бытовая жизнь дворянки. Несмотря на своё положение, женщина имела ежедневные заботы о доме, которые, порой, доставляли стресс.

Помимо личных секретов, в дневнике есть интересные описания природы, тех или иных событий в семейной и общественной жизни, отклик на прочитанные книги, а зачастую и полемика с ними. Интересно мнение автора о «Беседе» преосвящ. Никанора о «Крейцеровой сонате» Льва Толстого. Мария Казем-Бек пишет: «Мне не понравилось; рутинно, много текстов и никакой тонкости психологического анализа. Никанор доказал только то, что Апостолы иначе понимали семью и брачную жизнь, чем граф Толстой. А в одном месте, где Никанор восхваляет семейную жизнь наших священников, он даже подтверждает мнение Толстого, когда говорит, что священники особенно хорошо относятся к своим женам и берегут их, т.к. знают, что «другой жены не дадут». Хотелось бы спросить Никанора: а если бы другую жену дали, тогда что?... Стало быть, Толстой прав, говоря, что мужчины смотрят на жену только как на женщину, а не как человека!...» (*Казем-Бек* 2016: 100). Так, дневник как способ самовыражения позволял раскрыть своё неповторимое и уникальное «я», взглянуть на себя со стороны, сравнить различные фазисы своего развития.

Записи 1913–1914 гг. повествуют о том, как Мария Львовна работала начальницей Елисаветинского института. Её профессиональные, интеллектуальные и душевные качества вызывают невольное восхищение, — эта женщина не покладая рук трудилась на благо своих воспитанниц. Она заботилась о девочках словно их общая мать. Во время эпидемий тифа и свинки начальница института

отметила: «Все это очень тяжело переживать, а потому неудивительно, что я совершенно измучена душевно и физически» (Казем-Бек 2016: 360). К счастью, девочки выздоровели, и женщина продолжила активную деятельность в образовательном процессе учебного заведения.

В 1913 г. Марии Львовне даже удалось пообщаться с императором Николаем II в Народном доме на премьерe спектакля. Женщина экзальтированно описала в подробностях этот случай. «Вчера был знаменательный для меня день! Я в первый раз в жизни (и, вероятно в последний) говорила с моим Царём и пожалала его руку!» (Казем-Бек 2016: 341), — пишет Казем-Бек и далее в деталях рассказывает об этой встрече.

И действительно, дневники Марии Львовны Казем-Бек содержат подробную и развернутую хронику своей жизни и семьи на протяжении многих лет. Пространно описаны наиболее значительные, можно сказать экзистенциальные, события в жизни родных и близких: рождения и крестины, свадьбы и болезни, смерти и похороны. Трогательны её настойчивые заботы о семейном счастье детей, об их женитьбе или замужестве: «Поглощена возможными заботами... Коля заканчивает курс. Надо позаботиться об определении его в какой-нибудь полк. У Лёли завтра начинаются экзамены. Хотелось бы также выяснить вопрос об отпуску Александра и сообразно с этим окончательно установить день своего отъезда. А туалетные заботы! А укладка! А уборка квартиры!... Одним словом, хлопот не оберёшься» (Казем-Бек 2016: 88).

Несмотря на то, что мы рассматриваем записи Марии Казем-Бек как источник по истории женской повседневности, в них также можно найти взгляды автора на социально-политические изменения в стране. Вот, например, мысли Марии Львовны о равноправии женщин в выборе своей деятельности: «Мало-помалу, как-никак, женщины приобретают свои права. К сожалению, сочувствовать этому приобретению прав трудно, т.к. они отвоевываются... Не лучше ли было бы вместо того, чтобы мало-помалу уступать завоеванные права, сразу объявить, что все люди равны в своих правах на всякий труд и на всякую деятельность; что никому ничто не запрещается: ни женщинам претендовать на должность военного министра, ни мужчинам наниматься в няньки» (Казем-Бек 2016: 333). Автор дневников видела эволюционный путь развития во всей сферах, её мысли отражают особый, отличный от других феминосток и публицисток, взгляд.

Заключение

Проанализировав дневники М. Л. Казем-Бек, стоит отметить, что эго-документы не только «служат источниками типичного для своего времени восприятия внешних событий, но прежде всего выражают грань внутриспсихического переживания, сокровенные мечты и страхи, сознательные и бессознательные стратегии действия и вытеснения» (Белова 2013: 52).

Важно понимать, что жизнь отдельного человека неотъемлемо вписана в культурно-историческую канву общества в целом, и даже хроники какой-либо семьи при внимательном рассмотрении многое могут рассказать не только об особенностях эпохи в границах отдельной страны, но и о событиях и течениях международного характера — и чем выше семья в общественной иерархии, тем более чёткая эта взаимосвязь. Мария Львовна писала о роли семьи в жизни человека: «Стран-

но чувствовать себя одной, без семьи и без дела. Очутившись в таком положении, особенно ясно понимаешь, что вся суть, вся цель и весь смысл заключается в семье. Понимаешь это так же, как понимаешь значения здоровья, когда заболеешь» (Казем-Бек 2016: 94). Несмотря на то, что в рассматриваемый период женщины активно стремились получить образование и развиваться в профессиональной сфере, как анализируемый дневник баронессы Казем-Бек, так и другие дневники образованных замужних горожанок говорят о том, что семейные ценности были превыше остальных забот.

Таким образом, семейные хроники бывают важным дополнением в исторических изысканиях, поскольку содержат в себе человеческий опыт, на изложении которого, как правило, почти не сказывается цензура или нормы общественно-политических изданий. А в ряде случаев источник представляет собой ценность не только как освещение определённых событий, но и с литературной точки зрения. Такие авторы, как Мария Львовна, владели словом настолько, что даже простые ежедневные заметки выходили у них продуманными, связными и наполненными неподдельными переживаниями.

Действительно, дневники М. Л. Казем-Бек освещают разные стороны повседневной жизни женщины. Они не привязаны к одной теме. Это говорит нам о разностороннем развитии женщины, о ее возможностях. Она помогала мужу, семье, много читала, решала крестьянские проблемы в деревне, работала и одновременно справлялась с жизненными трудностями. В дневниках других упомянутых женщин нами замечена привязка к одной теме (социально-политические проблемы, профессиональная деятельность или сугубо личное).

Кроме того, образованная женщина, дворянка не была увлечена только своими туалетами, светскими выходами. Её интересовали сложные философские темы, политика, благотворительность. Это подтверждает ещё раз то, что она, будучи замужем, продолжала развиваться. Дневники показывают нам, что женщина того времени уже могла совмещать семью и социальную или профессиональную деятельность.

Как мы уже говорили выше, дневники — та форма литературного свидетельства, которая, с одной стороны, отличается субъективностью взгляда автора, поскольку автор говорит прежде всего от своего имени — а стало быть, его убеждения, какими бы ни были, также оставят в записях свой отпечаток, — а с другой — фиксирует и сохраняет подчас детали и факты, уникальные для конкретной эпохи и личной судьбы. Эти детали и факты могут в дальнейшем служить ключом для понимания тех или иных исторических контекстов, которые без этого гораздо сложнее оценивать. Записи Марии Львовны Казем-Бек — яркий тому пример, поскольку в них изложены подробности жизни, семейного уклада и настроений, характерные для русской образванной столичной горожанки, но прежде неизвестные современным исследователям, почему её «Дневники» и могут рассматриваться как источник, который заслуживает пристального внимания историков.

Источники и материалы

Казем-Бек 2016 — Казем-Бек М. Л. Дневники. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 547 с.

Научная литература

- Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сборник статей / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарева. М.: НЛЮ, 2013. С. 25–67.
- Дунаева Ю. В. Эго-документы в исторической науке XX — начала XXI в. (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Реферативный журнал. 2017. № 3. С. 14–21. <https://doi.org/2017.03.004-005>
- Кудряшова А. А. Дневник Елизаветы Дьяконовой как источник по истории гендера в России // Журнал института наследия. 2022. №1(28). С. 1–11. <https://doi.org/10.34685/ИИ.2022.68.35.003>
- Минец Д. В. Дневник Марии Башкирцевой как автобиографическая практика: лингвогендерное прочтение // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 380–382.
- Пушкарёва Н. Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 214–245.
- Ростовцев Е. А. Дневник Н. Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы: Сб. ст. в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб.: Европейский Дом, 2006. С. 270–318.
- Секенова О. И. Практики научной повседневности в эго-документах первых русских женщин-историков второй половины XIX — начала XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. Кострома, 2021. Т. 27, № 1. С. 39–44.
- Старышкина А. А. Эго-документы как источник для изучения картины мира русских журналисток конца XIX — начала XX в. // Исторический курьер. 2019. № 2 (4). Статья 13. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2019-2-13>
- Barker A. Reading the Texts — Rereading Ourselves // Women and Russian Culture. Projections and Self-Perceptions / ed. by R. Marsh. Oxford, New York: Berghahn Books, 1998. P. 42–59.

References

- Barker, A. 1998. Reading the Texts — Rereading Ourselves. In *Women and Russian Culture. Projections and Self-Perceptions*, ed. by R. Marsh. Oxford, New York: Berghahn Books. 42–59.
- Belova, A. V. 2013. Zhenskaia povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti: istoriograficheskii i metodologicheskii aspekty [Women's Daily Life as a Subject of the History of Everyday Life: Historiographical and Methodological Aspects]. In *Rossiiskaia povsednevnost' v zerkale gendernykh otnoshenii: sbornik statei* [Russian Everyday Life in the Mirror of Gender Relations: A Collection of Articles], ed. by N. L. Pushkareva. Moscow: NLO. 25–67.
- Dunaeva, Yu. V. 2017. Ego-dokumenty v istoricheskoi nauke XX — nachala XXI V. (svodnyi referat) [Ego-documents in the Historical Science of the 20 — Early 21 Century (Summary Report)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 5. Istoriia: Referativnyi zhurnal* 3: 14–21. <https://doi.org/2017.03.004-005>
- Kudriashova, A. A. 2022. Dnevnik Elizavety D'iakonovoi kak istochnik po istorii generova v Rossii [The Diary of Elizaveta Dyakonova as a Source on the History of Gender in Russia]. *Zhurnal Instituta Nasledia* 1(28). 1–11. <https://doi.org/10.34685/ИИ.2022.68.35.003>
- Minets, D. V. 2011. Dnevnik Marii Bashkirtsevoi kak avtobiograficheskaiia praktika: lingvogenдерное prochtenie [The Diary of Mariya Bashkirtseva as Autobiographical Practice: Linguistic and Gender Reading]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* 8: 380–82.
- Pushkareva, N. L. 2019. Evristicheskaiia tsennost' avtobiografii dlia genderologa: sopostavliaia teoreticheskie itogi rossiiskikh i zarubezhnykh avtobiograficheskikh issledovaniia [The Heuristic Value of Autobiographies for Gender Studies: Comparing the Theoretical Results of Russian and Foreign Studies]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Istoriia Rossii* 12(2): 214–45.

- Rostovtsev, E. A. 2006. Dnevnik N. N. Platonovoi (Shamoninoi) kak istochnik po istorii istoricheskoi nauki [The Diary of N. N. Platonova (Shamonina) as a Source on the History of Historical Science]. In *Vremena i sud'by: Sbornik statei v chest' 75-letii Viktora Moiseevicha Paneiakha* [Times and Fates: Collection of articles in honour of the 75th anniversary of Viktor Moiseevich Paneyakh]. Saint Petersburg: Evropeiskii Dom. 270–318.
- Sekenova, O. I. 2021. Praktiki nauchnoi povsednevnosti v ego-dokumentakh pervykh russkikh zhenshchin-istorikov vtoroi po-loviny XIX — nachala XX vv. [The Practices of Scientific Everyday Life in Ego Documents of the First Russian Female Historians in the Second Half of the 19th — the Early 20th Centuries]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta* 27(1): 39–44.
- Staryshkina, A. A. 2019. Ego-dokumenty kak istochnik dlia izucheniia kartiny mira russkikh zhurnalistok kontsa XIX — nachala XX v. [Ego-documents as Sources for Exploring World-views of Russian Women-Journalists of the late 19th — early 20th Century]. *Istoricheskii kur'er* 2(4): 13. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2019-2-13>